

ЛИ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

«Я считаю, что бессмысленно помогать детям-инвалидам, если слабые родители. Неважно, какие проблемы: спинальники, аутический спектр, диабетчики, по зрению, по слуху... если слабые родители, они не дотащат детей и сами упадут. Сильные родители – наша важная задача».

Ли Е.Л. – директор благотворительного фонда «Филантропия». Миссия фонда – развитие частной и корпоративной филантропии на Дальнем Востоке России.

– Елена Львовна, как вы пришли к общественной деятельности? Какими были ваши первые шаги и сколько времени вы

уже ведете активную общественную работу?

– Знаете, это, наверное, громко звучит – «общественная». У меня такого разграничения нет в жизни. Просто помогать, мне кажется, это необходимость, это не потребность в публичности, не реализация себя в чем-либо... Это проблема внутреннего мира, моральных ценностей, жизненной позиции – того, что определяет твою жизнь. С чего началось? Институционально началось с создания фонда «Филантропия», когда стало понятно, что решать проблемы на личном, индивидуальном уровне невозможно. Необходим был качественный переход на уровень объединения ресурсов. Примерами стали люди, которые делают много для благотворительности и, конечно, такой пример заразителен. Фонд зарегистрирован в апреле 2016 года. Очень долго думали регистрировать или нет, как именно регистрировать. Ведь зачем нужны некоммерческие организации, почему они возникают? Потому что, как правило, есть дыры в законодательстве и социально-ориентированные НКО их закрывают. Фактически, они являются поставщиками социальных услуг, дублируют то, что не очень хорошо работает на государственном уровне. Если бы не было проблем, то НКО пошли бы в другую сферу. У нас сформирован такой блок социальной направленности именно в силу того, что между здравоохранением нет взаимодействия, между соцстрахом... Рассогласованность. Каждый живет в своем измерении, происходит гонка за показателями, и за этими показателями не видно человека.

– Какие направления общественной деятельности вы реализуете? На какую аудиторию ориентируетесь?

– Благотворительные организации возникают из конкретной проблемы: в семье проблемы, в обществе... У нас все иначе. Мы соорганизовались по близости жизненных позиций. Мы взяли просветительскую сферу. Наша деятельность не направлена на одну группу, она охватывает всех. Вот сейчас наш последний проект – это Ярмарка социальных проектов. Мы собрали идеи от некоммерческих организаций, помогли им грамотно оформить про-

екты, помогли создать презентационную оболочку, чтобы можно было искать средства более эффективно. Дело в том, что, когда ты пишешь таким канцелярским языком заявку на получение гранта, это одна форма, а когда ты пытаешься сделать этот проект доступным и понятным для людей, у которых мало времени, но есть возможность тебе финансово помочь – это другой формат, там всё должно быть содержательно и визуально. А это достаточно сложно. Видео обрабатываем, все еще впереди, все моменты по обработке. Мы по этому проекту увидели, что НКО сложно найти контакт с бизнесом. Они привыкли работать, они труженики, они раскапывают свою тему, решают свою задачу – а тут нужно соединить всё это с интересами сферы... Частной сферы, бизнеса.

– Кого вы можете назвать своими помощниками, единомышленниками, партнёрами? Много ли их?

– Партнеры... Мы сделали 20 проектов, и тех, с кем коммуницировали за это время – их достаточно много. То есть, фактически мы их рассматриваем как партнеров. Мы, когда отбирали проекты, отбирали их по тем результатам, которые они потом получают. В этом наше партнерство, а их партнерство – в том, что они помогают решать социальные задачи. Финансово мы им не помогаем, потому что задача несколько другая. Мы ищем возможности по привлечению других источников финансирования. Часть проектов мы подали от себя, а для другой части мы создаем условия. Работа во многом на волонтерском уровне. Все в соцсетях, плюс журналисты, которые заходили, готовили сюжеты и рассказывали. Мы не вели информационную политику, это немножко неправильно... Но у нас есть сайт и есть информационное поле – провели мероприятия, люди сходили и сами об этом везде рассказали.

– Какой социальный проект или идею, реализованную вами, считаете самым значимым в вашей общественной жизни?

– Мы ещё очень мало сделали, чтобы давать оценку.

– Но разочарования и трудности, неудачи в общественной деятельности уже случались? С чем они связаны?

– Собственная некомпетентность – это большой барьер. Нет профессионального опыта. Был порыв помогать, а реальных знаний и технологий не было, и нет времени изучать их даже сейчас. И бухгалтерия, и юриспруденция, и работа, связанная с категориями. В каждом случае индивидуальные вопросы. И с каждым погружением уровень знаний должен расти в геометрической прогрессии. И ты понимаешь масштаб, и просто ноги подкашиваются... На одном энтузиазме далеко не уедешь.

– С какими трудностями в общественной работе вы сталкиваетесь? Какие барьеры приходится преодолевать?

– Я считаю, что, если нет команды, нельзя создавать НКО. Я благодарю, что, когда я пришла и мне предложили возглавить фонд – уже были инициаторы. Они этим горят, они этим живут. Когда ты вдруг понимаешь, что больше не можешь, нет сил – есть тот, кто может поддержать и на себя взвалить. Без

команды невозможно. Раньше это были частные инициативы помогать, а сейчас уже опыт аккумулировался.

– Деньги занимают важное место в реализации любых проектов. Какие источники финансирования удаётся привлечь вам для воплощения идей?

– Мы используем все, какие есть ... У нас возникает идея и мы уже ищем под эту идею конкретные источники финансирования. Допустим, если есть свои ресурсы – мы за счет своих ресурсов. Если есть возможности софинансирования, то привлекаем эти ресурсы. Например, Ярмарка социальных проектов была поддержана правительством Хабаровского края. Мы не пошли на привлечение денег от государства по линии поставщиков соц.услуг, у нас нет такой потребности – выполнять функции государства. Наша цель – развитие филантропии. Если есть возможность – получаем гранты. Например, городской грант мы получали на проект «Непридуманная история»: рассказывали широкой публике о том, какие проблемы возникают с особыми детьми в Хабаровске.

– Что бы вы хотели еще сделать в вашей общественной жизни, но пока не удается?

– У нас слишком много идей, мы пытаемся их даже ограничивать. Мы одно время считали, что узким местом является отсутствие ресурсов для арт-терапии. Она очень ценна для детей-инвалидов, да и вообще для других категорий. Дефицит был с семейными психологами – тогда мы тоже поучаствовали в проекте и толчок был дан. Прошло время, мы от проекта отошли, но видим, что по городу очень много подобного появилось. Наша идея нашла воплощение. Мысль витала в воздухе, но мы смогли красиво и результативно её реализовать. Это привлекло внимание и попало на благодатную почву.

Потом, у нас была идея по развитию методики альтернативного лечения ДЦП. Стали искать методы и источники информации, нашли метод Лоскутова – он в Москве дает возможность родителям обучиться и работать с ребенком. Результаты потрясающие. Но дело в том, что метод не признается официальной медициной, она почему-то ориентирована на «насильственные» методы лечения. Нельзя назвать его панацеей, но кому-то помогает. Я прошла обучение, увидела детей – мне важно было понять, что это не секта и не обман, а реальный алгоритм.

У нас море идей, но проблема в том, что не хватает знаний, людей с квалификацией. У нас была задумка взять несколько человек, обучить супер-методикам, чтобы они тут сеяли разумное-доброе-вечное, но как показал опыт... Не всегда это оправдано. Также нужно активизировать родителей в том, что касается помощи детям. Я считаю, что бессмысленно помогать детям-инвалидам, если слабые родители. Нужно выстраивать схему, чтобы родители включались. Неважно какие проблемы: спинальники, аутический спектр, диабетчики, по зрению, по слуху... Если слабые родители, они не дотащат детей и сами упадут. Сильные родителей – наша важная задача. Мы прибегаем к обучению, направили их на учёбу в Пединститут по специальности «Психология». Мы идем так: ищем слабое место и помогаем.

– Чего бы вы пожелали начинающим общественникам, тем, кто только собирается создать свою некоммерческую организацию или стать гражданским активистом?

– Я бы открытие НКО оставила на последний этап. Сейчас множество организаций, где нужны волонтеры. Одно дело импульсы, а здесь важна регулярность. Не настраиваться на институционализацию, а просто помогать, сделать это нормой жизни. А вообще, моя супер-мечта – это развитие фондов местных сообществ для поддержки ближнего круга. То есть, когда знаем, что есть сосед, друг и т.д. Когда таких кругов много, создается сеть, а когда они переплетаются – создается элемент страховки. Не всегда нужна организация, иногда достаточно собрать минимальное количество людей, даже просто чат в What'sApp сделать. Институционализация – это некая формальность, которая нужна для более глобальных целей. И лучше людей привлекать в какой-либо проект.

– Современный город, в том числе и Хабаровск, представляет собой сложную систему социальной жизни. Как бы вы охарактеризовали городское население: сплоченное или разобщенное, активное или пассивное, потребительское или созидательное и т.д.?

– Все ругали фонды типа «Лучик», но люди же помогали и люди им верили. Работая в этой сфере, я вижу массу людей, которые готовы помогать. Мизантропы автоматически уходят в другую сферу. К счастью, я их не вижу.

– Сегодня много говорят о низкой социальной активности горожан, их отчужденности от городских проблем, слабости солидарных связей. Согласны вы с такой оценкой?

– Социальная активность есть, но она недостаточная. Люди часто погружены в свои проблемы. Хотелось бы, чтобы горожане оторвались от телефонов и соцсетей, увидели друг друга. Кто-то на улице просит еду, кому-то не с кем поговорить...

– Какие, на ваш взгляд, направления деятельности требуют внимания не только органов власти и бизнеса, но и активности со стороны жителей, общественных организаций?

– Я считаю, что сейчас самое острое – это обеспечение доступной среды, хотя и много говорилось на эту тему. Вся наша система жизни ориентирована на один день. Власть так законы пишет, что вот, решаем проблемы сегодняшнего дня, а ведь завтра с любым из нас может случиться всё, что угодно! Необходимо создать институциональные условия обеспечения базовых потребностей. Такая интеграция позволит сблизиться с обществом, наладить связи. Мы сейчас хотим показать спектакль «Особые люди». Он рассказывает о жизни таких людей, он невероятен по силе воздействия. Одни смогут что-то понять, другие – увидеть для себя выход, третьи – задать себе вопрос: «Что будет, с ребенком если нас не станет?». Я считаю, что перспектива развития города – в создании физических условий для жизни и развития. А у нас так: мы создадим пандусы, а дети так и будут продолжать кидать камни в кошек и собак.

– В последнее время все чаще в фокус общественного внимания попадает молодежь. Какие проблемы этой группы населения вы считаете наиболее важными? И какие из них призваны решать не только органы власти, родители, школа, но и общественные организации, гражданские активисты?

– Они молоды, у них много времени. Много желаний, мало страхов, мало рисков, поэтому время – это прекрасно. Они всегда одинаковы, в любом историческом периоде. Мы тоже жили, наверное, в другом мире, непонятном нашим родителям. Но сейчас очень высокая доля воздействия виртуального мира, сети, сообщества, стаи информационной. Я недавно обнаружила проблемы Синего Кита, и начала бить в набат. Дети не понимают, кто ими манипулирует. Если работать с молодежью, то нужно учитывать их особенность. Для них важна публичность, селфи и так далее. Мы технологически разные. У нас мозг работает по-другому. А по направлениям работы – наверное, формирование благородства, человечности, русской традиции. Честь и достоинство. Я считаю, что если есть два этих качества, это никогда не позволит скатиться в дебри негативных проявлений.

– Не секрет, что решение многих проблем НКО зависит от поддержки и заинтересованности органов власти. Что, на ваш взгляд, должна сегодня сделать власть, чтобы эти вопросы решались более успешно?

– Мне посчастливилось родиться в такое прекрасное время и стать участником этих процессов. Уже очень многое сделано до меня. Раньше не было условий, а сейчас эти условия есть и я, наверное, сужу исключительно по Хабаровскому краю, власти достаточно позитивно настроены. Разные мероприятия проводятся, разные условия создаются.

– И несколько личных вопросов. Как ваша семья, близкие, друзья относятся к вашей деятельности? Принимают ли в ней участие?

– Семья не против, но им не хватает меня однозначно. Очень много времени уходит. Но и семью погружаешь в этот контекст. У меня ребенок сказал, что когда вырастет, создаст свою некоммерческую организацию – приют для животных организует.

– Какие качества вы особенно цените в людях? И что не приемлете?

– Нужно быть человеком в первую очередь, чтобы не произошло. А человеком ты становишься в таких ситуациях, когда проверяешь сам себя. Даже, когда читаю лекции, я вижу своих студентов. Если сначала – это броня, то потом, к концу курса, ситуация меняется. Также и тут. Главное – это мысль донести, добрую мысль. То, на что реагируют, это точно. Но, если белое – белое, то рядом должно быть черное. Библейские истины.

– Чем вы любите заниматься в свободное время? Остаётся ли оно у вас вообще после общественной деятельности?

– Я сплю! Когда есть перерывы между работой. У меня достаточно жёсткий режим, свободного времени практически не бывает. Есть те, кто меня ждет. Мои животные, дети. Растут с каждым днем! Когда есть время – есть возможность узнать, что происходит у них в жизни. В последний раз я очень

удивилась, когда моя дочь сказала, что хочет стать врачом. Я пропустила какой-то этап между поваром и врачом. Раньше хотелось и то, и то, и вышивание, и музыку, но чем меньше становится времени, тем больше ты начинаешь его экономить, читать только то, что тебе надо. Я уже не помню, когда занималась чем-то для души. Для души – это для себя.

– **Вы считаете себя счастливым человеком? Что для вас счастье?**

– Скорее да. Для меня это внутренне ощущение тепла, радости и любви.

– **Что для вас значит быть патриотом?**

– Не знаю... Я не знаю. Ничего не могу сказать. Я люблю мир, я люблю людей. Я куда не приеду, мне все нравится! Мир должен уходить не к сепаратизму, не к разобщению. Патриотичность, как концепцию я не понимаю. Я понимаю, когда нападают на твой дом, тогда не важно, кто этот человек – из твоей страны или нет – это самозащита. Тут должен патриотизм не страновой быть, а на уровне человека. Поэтому говорить, что моя культура более культурная, чем другая культура, ну это не очень хорошо. Нужно развивать любовь к людям, к ближнему.

– **Хотели бы вы что-нибудь изменить в своей жизни?**

– Все бы оставила как есть по принципиальным позициям. Добавила бы себе немного больше сил.

– **Если бы у вас была возможность исполнения одного желания, что бы вы пожелали?**

– Сложный вопрос. Наверное, тех людей, которых нет рядом, ушли, допустим, и эти раны остаются на всю жизнь... Я бы сделала для них намного больше.